

Китайская головоломка для Евросоюза

ЕС должен определиться в отношениях с Китаем. Иначе он станет жертвой великодержавных игр.

Европейцы не могут договориться о том, как быть с находящимся на подъеме Китаем. Пока лидеры Евросоюза встречались недавно в Брюсселе, чтобы обсудить более решительные единые подходы, председатель КНР Си Цзиньпин находился с визитом в Риме. Си приехал туда, чтобы зафиксировать независимое решение Италии о поддержке его инициативы «Пояс и путь» (BRI). Это пан-евразийский план инвестиций в инфраструктуру стоимостью \$1 трлн, который призван усилить экономическое и политическое влияние Китая. Вот вам и единая позиция ЕС.

Но как же тогда ЕС следует взаимодействовать с Китаем? Поскольку США и Китай медленно движутся к новой Холодной войне, обе страны хотят привлечь европейцев в свой лагерь. Администрация президента США Дональда Трампа грубо требует от европейцев, чтобы те следовали ее агрессивному примеру противостояния Китаю в сфере торговли, технологий и безопасности. Тем временем Китай заманивает ЕС, указывая на их общий интерес – защитить от нападок Трампа многостороннюю торговую систему, Парижское соглашение об изменении климата, Иранское ядерное соглашение.

*ЕС является
экономическим колоссом,
но это геополитический
карлик, который плохо
подготовлен к
вступлению в новую эру
соревнования великих
держав*

В идеале Евросоюз должен выбрать собственный курс. Но пока он остается слабым и расколотым, ему будет трудно это сделать.

Вплоть до недавнего времени ЕС считал Китай своим

стратегическим партнером – в первую очередь источником экономического роста и рабочих мест. Однако проект новой китайской стратегии, разработанный Еврокомиссией и Службой внешних связей ЕС, намного жестче и в нем больше нюансов. Китай теперь считается одновременно «партнером по сотрудничеству, с которым у ЕС имеются близко совпадающие цели; партнером по переговорам, с которым ЕС нужно находить баланс интересов; экономическим конкурентом в гонке за технологическое лидерство; а также системным противником, который продвигает альтернативные модели госуправления».

Как и у американских коллег, хотя и в меньшей степени, у европейских властей вызывает растущее беспокойство вызов, брошенный авторитарным, державным и технологически доминирующим Китаем. Централизация власти в руках Си и демонстративность его промышленной программы «Сделано в Китае 2025», которая ставит целью достижение Китаем доминирования в десяти ключевых высокотехнологичных отраслях, развеяли в прах былые европейские надежды на политическую и экономическую либерализацию в этой стране. Политики Европы стали гораздо внимательней относиться к заявлениям бизнеса, который жалуется, что Китай скупает компании в ЕС и их технологии, но при этом отказывает в аналогичном доступе к китайским рынкам.

В подобных условиях ЕС должен был бы стать естественным союзником США, стремящихся открыть китайские рынки и защитить интеллектуальную собственность иностранных инвесторов. Но Трампа не интересуют союзники. Он называет Евросоюз «врагом» и грозит Европе торговой войной из-за ее огромного профицита в торговле с США, особенно в торговле автомобилями. Власти ЕС категорически не приемлют одностороннюю протекционистскую политику Трампа и его мировоззрение под лозунгом «Америка прежде всего». И они не доверяют ему, справедливо полагая, что Трамп легко может пойти на сделку с Китаем в ущерб ЕС. В итоге Евросоюз, что совершенно объяснимо, не жаждет присоединяться к китайской политике Трампа.

Все это открывает шанс для Китая, который поднимает правильный шум по поводу мультилатерализма и искренне заинтересован (по крайней мере, пока что) в сохранении открытой и основанной на правилах международной системы. Более того, он серьезно взаимодействует с Евросоюзом: премьер-министр Ли Кэцян, как ожидается, приедет в Брюссель 9 апреля на ежегодный саммит «ЕС-Китай». Но при этом Китай одновременно ослабляет ЕС, ведя

переговоры с европейскими правительствами на двусторонней основе и противопоставляя их друг другу.

В связи с этим Китай создал форум «16+1» для взаимодействия с 16 странами Центральной и Восточной Европы, 11 из которых входят в ЕС. Поскольку эти страны беднее, а государства, подобные Франции и Германии, часто обходятся с ними как с европейцами второго класса, их правительства особенно рады вниманию и инвестициям Китая. Кроме того, Китай направляет финансовые ресурсы в экономику южных стран Европы, которые изголодались по инвестициям со времен кризиса в еврозоне. Китай вложил в порт Пирей в Греции и в энергокомпанию Португалии, а теперь планирует реконструировать итальянский порт Триест. Если суммировать, на сегодня уже 15 из 28 стран Евросоюза подписались на участие в инициативе «Один пояс – один путь».

У инициативы «Один пояс – один путь» есть еще и политическое измерение, а именно – затягивание Европы в сферу влияния Китая

Да, конечно, китайские инвестиции в Европу часто полезны, а увеличение объемов торговли и улучшение инфраструктуры приносит взаимную выгоду. Тем не менее, как и у американского плана Маршалла после Второй мировой войны, у инициативы «Один пояс – один путь» есть еще и политическое измерение, а именно – затягивание Европы в сферу влияния Китая.

Все это вызывает фундаментальные, долгосрочные, стратегические вопросы. Действительно ли будущее Европы связано в первую очередь с Евразией, а не с Западом? И если это так, тогда что предполагает роль младшего партнера Китая? И как в этом случае Европа сможет наилучшим образом отстаивать свои интересы? К сожалению, почти никто не задается этими вопросами.

Между тем, двусторонние подходы Китая к Европе позволяют ему «разделять и властвовать». Когда министры экономики Франции и Германии недавно выдвинули идею проведения промышленной политики ЕС, которая бы позволила создавать европейских «чемпионов» для конкуренции с китайскими (и американскими) гигантами, премьер-министр Португалии, социалист Антониу Кошта, отверг эту идею. Кроме того, Кошта предостерег против планов ЕС строже контролировать китайские инвестиции.

Евросоюз не просто расколот, но еще и слаб. Да, ЕС является

экономическим колоссом, но это геополитический карлик, который плохо подготовлен к вступлению в новую эру соревнования великих держав.

Единый Евросоюз действительно может навязывать свою позицию меньшим державам, подобным Великобритании, а в чисто экономических вопросах выдерживать свою линию в отношениях с США и Китаем. Общий рынок размером \$19 трлн обеспечивает ЕС огромную силу на торговых переговорах, в конкурентной политике и в установлении регламентов и стандартов.

Но когда экономическая политика пересекается с внешней политикой и безопасностью, у ЕС нет ни воли, ни потенциала, чтобы действовать стратегически. За исключением Франции и Великобритании, которая собирается выйти из ЕС, у правительств стран Евросоюза отсутствует геополитическое мышление. У ЕС нет никакой военной силы, а большинство стран союза полагаются на США в вопросах собственной обороны. Кроме того, ЕС все чаще становится потребителем передовых цифровых технологий, которые разрабатываются в других странах.

В результате, ЕС оказался зажат между США и Китаем. Ему отчаянно необходимо обрести единую цель и стратегический потенциал. К этому призывает президент Франции Эммануэль Макрон, но едва ли не в полном одиночестве. Пока этого не случится, ЕС будет с большим трудом добиваться продвижения своих интересов и все чаще становиться жертвой великодержавных игр.

(c) Project Syndicate

Филипп Легран
Лондон

Филипп Легран (Philippe Legrain) – бывший экономический советник президента Европейской комиссии, приглашенный профессор

Европейского института Лондонской школы экономики и основатель
международного аналитического центра Open Political Economy
Network (OPEN).